

«ХРИСТИАНСКАЯ БЛАГОДАТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ»: КАК БЫ С РЕЛИГИЕЙ И КАК БЫ С ПСИХОЛОГИЕЙ

Г.В. ИВАНЧЕНКО

Иванченко Галина Владимировна — заместитель декана факультета социологии Государственного университета — Высшая школа экономики, доктор философских наук, кандидат психологических наук, профессор.

Автор более 150 научных публикаций, среди которых монографии «Принцип необходимого разнообразия в культуре и в искусстве» (1999), «Психология восприятия музыки: проблемы, подходы, перспективы» (2001), «Совершенство в искусстве и в жизни» (2006), «Логос любви» (2007), «Идея совершенства в психологии и культуре» (2007).

Контакты: galina-iv@yandex.ru

Резюме

Почему надо развивать не религиозную (поликонфессиональную), а именно христианскую психологию? Почему невозможна нерелигиозная духовность (трансцендентность)? Автор считает, что «христиански ориентированной психологии» не удалось дать убедительный ответ на эти вопросы и не удалось предложить свою эвристичную трактовку психологических категорий.

Претензии христиански ориентированной российской психологии на единоличное владение категориальным и методологическим аппаратом анализа духовного в человеке не новы. Теперь они распространяются и на знание единственно верного пути развития психологической науки в целом («Постнеклассическая психология сегодня — это развилка: либо христианская благодатная психология, либо бесовская психология падшести и проклятья». — Слободчиков, 2007, с. 96). Но так ли это?

Зададимся вопросом вместе с А.В. Лоргусом: «можно ли представить себе живого конкретного человека без религиозности? Можно ли рассматривать человека, не имеющего религиозности совсем? Если это возможно, с точки зрения психологии, то какова практическая ценность такой науки?» (Лоргус, 2007, с. 59). А почему бы и не представить нерелигиозного, но высокодуховного человека? Если это невозможно, с точки зрения христиански ориентированной психологии, то где развернутые доказательства этого положе-

ния? Весьма подробно перечисляя те понятия, от которых научная психология якобы упорно отказывается (экстатические переживания, религиозный опыт, сердце, совесть, духовные чувства, вера, молитва, обожение, таинства и др.), А.В. Лоргус (как, впрочем, и В.И. Слободчиков) избегает понятия «трансцендентность» — более широкого, чем религиозность. Духовный опыт в силу определенных исторических условий развития человечества действительно много чаще находил свое отражение именно в религиозных исканиях, переживаниях, размышлениях. Но приравнивание и сознательное сведение человеческого к христианскому (именно христианскому, а не религиозному) ведет сторонников христианской психологии и дальше — к противоречиям и недостаточно обоснованным утверждениям, на которые мы хотим обратить внимание читателя.

Недавнее знакомство с жителями одной из восточных стран, замечает В.И. Слободчиков, «поразило... как бы отсутствием у них третьего — духовного измерения. Точнее, его тотального замещения системой регулятивных принципов и в совместной деятельности, и в совместном общем жительстве» (Слободчиков, 2007, с. 95). Меня же в замечании глубокого уважаемого автора поразила точность языкового образа, вырастающего из клише «как бы». «Как бы отсутствие» — это, судя по всему, не полное отсутствие, но невидимость с определенной (вероятно, правильной) точки зрения; может статься, духовность и есть, но маленькая и сомнительная. Уже потом удивляет жесткость постулируемой связи:

«житель восточной страны» — «отсутствие духовности». Полно, так ли неразличима «человеческая масса»? И не сказано ли две с лишним тысячи лет назад: «несть ни эллина, ни иудея...»?

В заметке «Между городом и деревней» Д.А. Леонтьев соглашается с теми учеными, которые видят во всех главных этнорелигиозных конфликтах современности проявление конфликта между «глобальным городом» и «глобальной деревней»: «Столкнулись два способа жизни. Один — сохранение того, что есть, твердая вера в незыблемые правила и ценности, авторитарность, большая роль этнорелигиозных границ между людьми, которые довольно быстро обрастают рвами и колючей проволокой. Неважно, каковы таланты у человека, главное, что свой. Другой — развитие, устремленность в будущее, размывание национальных и религиозных барьеров, остающихся лишь личным делом каждого, ценность человека определяется тем, что он из себя представляет, а не тем, из какой он деревни» (Леонтьев, 2006).

Казалось бы, диагноз В.И. Слободчиковым поставлен точно: замещение свободы и ответственности системой законов и регулятивов. Но распространение этого диагноза на всех «жителей одной из восточных стран» поголовно, как тринадцатый удар часов, порождает сомнения в мотивах диагноза. Может быть, духовность кажется отсутствующей не потому, что заменена законами, а потому, что эти законы не вполне совпадают с «десятью заповедями», что они чужие и чуждые? М.Ю. Кондратьевым также поднимается этот вопрос о воинствующей позиции, при-

водящей к «качеству окончательного выбора» по какому-то одному параметру: если не христианин, то о чем можно говорить? (Кондратьев, 2007, с. 72).

Итак, первое противоречие: между апелляцией христиански ориентированных психологов к свободе, самобытности, духовности (которыми якобы другие направления в психологии не занимаются, но об этом далее) и отказом видеть их в других людях только на том основании, что это «жители одной из восточных стран».

Целый ряд полемических приемов, не скажу, что заимствованных из советской атеистической литературы, но очень знакомых, имеется в статье А.В. Лоргуса. Эта статья начинается с удивления по поводу остающейся необходимости вести дискуссию с теми, кто не приемлет глобальных претензий христиански ориентированных психологов. Так, помнится, и в атеистической литературе авторы разводили руками: надо же, остаются еще верующие, и верующие ученые, «на восьмом году пролетарской революции». Но есть ли хотя бы одно свидетельство плодотворности дискуссий по вопросу о христианской психологии? Где научные оппоненты Б.С. Братуся, О.Б. Ничипорова, В.И. Слободчикова, А.В. Лоргуса признают, что логика и неоспоримость аргументов христианских психологов заставляют их скорректировать свою первоначальную позицию?

Вместо комментариев к замечанию «Идеологический вопрос о связи науки и религии свойствен только нашему отечеству» (Лоргус, 2007, с. 59) можно упомянуть глубокую,

отнюдь не исключительно практически ориентированную дискуссию в США по вопросу о преподавании теории Дарвина в школе. Следующее дискуссионное положение А.В. Лоргуса снова заставляет вспомнить литературу по научному атеизму: «наиболее неприятное в наследии советского строя заключается не в том, что государство ради идеологической борьбы искалечило науку, а в том, что многие великие умы оказались в плену атеистических убеждений» (там же). Стоит ли принижать «великие умы» до положения объектов манипуляции со стороны государственной атеистической идеологии?

Далее А.В. Лоргус, объясняя, почему надо развивать не религиозную (поликонфессиональную), а именно христианскую психологию, утверждает, что ислам и иудейство далеки от психологии. Хочу обратить внимание по меньшей мере на одну область, где достижения ислама и иудаизма глубоки и бесспорны, — на учения о совершенном человеке. После выхода работ исследовательской группы Ш.М. Шукурова утверждения А.В. Лоргуса о непсихологичности иных конфессий по меньшей мере некорректны.

Меньше возражений вызывает тезис об отсутствии конфликтов между исламом и наукой, иудейством и наукой (хотя как тогда расценивать, скажем, конфликт между Б. Спинозой и сефардской общиной Голландии?). Конечно, накал этих конфликтов не сравним с противостоянием христианской церкви и науки. Периоды сугубой нетерпимости возникают во многих конфессиях, и весьма странно связывать особую выраженность конфликта научного и

христианского мировоззрения с наличием «консолидированного общественного религиозного сознания» именно в христианской церкви. Я бы скорее связала большую конфликтность с тем, что вплоть до появления экуменизма в христианстве эпизодическим, рискованным, почти невозможным было признание частичной правоты иных конфессий и мировоззрений, хотя это было вполне обычным в средневековой мусульманской цивилизации, сохранившей достижения античной науки для последующих поколений.

Еще одна неувязка. Христиански ориентированная психология претендует на то, что, опираясь на богословскую антропологию, в психологии необходимо «либо изменить систему координат, т. е. пойти на фундаментальную методологическую реконструкцию, либо вводить параллельную систему понятий, которая могла бы неконфликтно соприкасаться с научной» (Лоргус, 2007, с. 61). В качестве центральной методологической категории В.И. Слободчиков предлагает категорию развития, правда, пишет он, «...в известных мне богословских трудах нет понятия «развитие», есть понятие «происхождение» (Слободчиков, 2007, с. 96).

Это несколько неожиданно. Ведь совсем недавно М. Миронова в «Московском психотерапевтическом журнале» подробно проанализировала трудности, которые возникают при попытке применения данной категории в христианской психологии; и история категории «развитие» в христианской психологии прослеживается ею от о. Иоанна Мейендорфа и Владимира Николаевича Лос-

ского через епископа Михаила Грибановского и православного педагога В.В. Зеньковского к о. Евгению Шестуну (Миронова, 2005). Возникает резонный вопрос: одну ли и ту же категорию развития имеют в виду уважаемые авторы, принадлежащие к одному направлению? Если такие серьезные разночтения наблюдаются по кардинальным вопросам, не рано ли выходить с предложениями перестройки всего категориального аппарата психологии?

Более серьезным, конечно, является вопрос: сможет ли вслед за А.А. Ухтомским, о. Александром Менем, о. Антонием Сурожским российская «христиански ориентированная психология» предложить что-то, что будет воспринято научной психологией? Расплывчатость в определении терминов и интолерантность данного направления, отсутствие серьезной эмпирической базы препятствует диалогу с другими направлениями психологии.

И последнее. В «Белой Богине» Роберта Грейвса есть чрезвычайно интересная, хотя и спорная гипотеза об этимологии слова «религия». Цицерон, указывает Р. Грейвс, связывал его с *relegere* — «прочитывать надлежащим образом», т. е. «изучать священное писание, постигать его». Через без малого пятьсот лет св. Августин произвел его от *religare* — «связывать» и предположил, что под ним понимается благочестивое обязательство повиноваться божественному закону. Р. Грейвс же полагает, ссылаясь на еще одну форму написания этого слова, *relligio*, что оно возникло из выражения *rem legere* — «выбирать верное». В обязанности жрецов-магов входило определение

того, что следует делать для умиловления богов в особо благоприятных или неблагоприятных случаях. Сопровождавшие царя двенадцать жрецов (по одному на каждый месяц года) были обязаны предусмотреть все в таких случаях. Им, предполагает Р. Грейвс, было поручено и *relictio*, «внимательное толкование» знаков, знамений, чудес, а также *selectio*, «выбор» царского оружия, одежды, пищи, травы и листьев для *lectum* (ложа) (Грейвс, 2000).

Где объединить усилия религии (всем ее конфессиям) и психологии, как не в помощи людям в их личностном выборе, в различении добра и зла, в том, чтобы научить помнить о единственности и неповторимости каждой жизни, о нашей ответственности за каждый ее миг? Необходимость реа-

лизации этой функции отмечают и критики теистической традиционной формы религии: так, выдающийся биолог Джулиан Хаксли называет религию «прикладной духовной экологией», «психологическим органом эволюционирующего человека, ее функция состоит в том, чтобы помочь ему справиться с проблемами своей судьбы» (Huxley, 1964, p. 110–111). Хочется надеяться, что христиански ориентированная психология (с подобающим своему имени смирением) займет свое место в одном ряду с гуманистической, позитивной, экзистенциальной психологией, давно и небезуспешно реализующими эту миссию; надеяться, что «наша» христиански ориентированная психология воспримет то, что наработано в зарубежной психологии религии; что в

Литература

Грейвс Р. Белая Богиня: Избранные главы. СПб.: Амфора, 2000.

Кондратьев М.Ю. Психология и религия: параллельные проблемно-предметные плоскости // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 2. С. 65–73.

Леонтьев Д.А. Встретимся в городе // Psychologies. 2006. № 9.

Лоргус А.В. Психология: с религией или без нее? // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 2. С. 58–64.

Миронова М. Категория «развитие» в психологии и христианской антропологии // Московский психотерапевтический журнал. 2005. №3. С. 75–98.

Слободчиков В.И. Христианская психология в системе психологического знания // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 2. С. 90–97.

Huxley J. Essays on a Humanism. London: Penguin Books, 1964.